

КИРРА
Вейн

18+

твоя
ЛЮБОВЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Сердце и сталь

Кирра Вейн
Твоя любовь

«Автор»

2026

Вейн К.

Твоя любовь / К. Вейн — «Автор», 2026 — (Сердце и сталь)

Шесть лет назад её сердце разбилось. Шесть лет назад он ушёл, назвав их чувства просто влечением. Теперь у Юли всё хорошо. Любимая работа, уютная квартира и жених, который никогда не сделает ей больно. Она научилась не вспоминать. Научилась улыбаться. Научилась верить, что покой — это и есть счастье. Но прошлое не спрашивает разрешения. Одна встреча с ним — и мир, который она так долго строила, начинает трещать по швам. Между ними — шесть лет молчания, горькие слова, оборванные обещания и чувства, которые, казалось, умерли. Но они не умерли. Они просто ждали своего часа. «Твоя любовь» — вторая часть истории «Мое влечение» о том, как случайная встреча может изменить всё. О том, что иногда нужно разбиться, чтобы собраться заново. И о том, что настоящие чувства не умирают — они просто ждут, когда ты будешь к ним готов. #

© Вейн К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Кирра Вейн

Твоя любовь

Глава 1

— Юлия Михайловна, как так? — женщина смотрела на меня расширенными глазами, в которых плескался самый настоящий ужас. Её пальцы дрожали, сжимая край стола так, что костяшки побелели. — Откуда у меня может быть гонорея? Я же замужем пятнадцать лет! Пятнадцать!

Я вздохнула, подбирая слова. В кабинете пахло спиртом, дезинфекцией и лёгкой ванилью — мой любимый ароматизатор, который делал стерильную атмосферу чуть более человеческой. На столе лежала открытая карта, и я смотрела на пациентку, понимая, что сейчас её мир, который она строила полтора десятилетия, рассыплется в прах. Я видела это сотни раз. И каждый раз переживала.

— Лариса Сергеевна, — начала я мягко, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без осуждения. Я смотрела ей прямо в глаза. — Вариант передачи один. Половой.

— Я никогда не изменяла своему мужу! — выкрикнула она, и голос сорвался на истерику, на тот самый надрыв, который я слышала столько раз, что могла бы цитировать наизусть. — Никогда! Я не могла... я бы не смогла... У нас же семья!

Она замолчала, уставившись в стену. Я подождала, давая ей время переварить. В таких случаях важно не торопиться. Не давить.

— Лариса Сергеевна, — я сделала паузу, дожидаясь, пока её взгляд сфокусируется на мне. — Значит, инфекция была передана вам с его стороны. И да, вашему мужу тоже необходимо пройти обследование. Сдать анализы. Пролечиться. Вместе с вами. Иначе лечение не даст результата. Это как замкнутый круг — вы лечитесь, он болеет, и всё возвращается.

Она смотрела на меня, и я видела, как внутри неё что-то ломается. Как картина её идеального брака, которую она бережно хранила пятнадцать лет, рассыпается на мелкие осколки. Стекланные осколки, которые вонзаются в самое сердце.

— Спасибо, — прошептала она. — Я... я скажу ему.

Я прописала ей схему лечения, подробно объяснила дозировку, предупредила о возможных побочных эффектах. Она кивала, но видно было — она меня не слышит. Она уже там, в своей голове, где рушится всё, что она знала о своей жизни.

Она вышла, я осталась одна.

В кабинете повисла тишина — тяжёлый приём. Я откинулась на спинку стула, закрыла глаза и позволила себе просто выдохнуть.

Ровно год, как я работаю полноценным врачом-дерматовенерологом в КВД. Я закончила медицинский, а после и два года ординатуры. Моя жизнь похожа на ту, о которой я мечтала. Любимая работа. Любимые пациенты. Красивая квартира. И жених, который ждёт меня дома.

Шесть лет прошло.

Шесть лет с того дня, как я стояла на коленях в своей старой квартире, сжимая в руках телефон, разбитый об стену, и рыдала так, что, казалось, моё сердце выпрыгнет из груди. Шесть лет, как я собирала себя по кускам, как училась дышать заново. Как убеждала себя каждое утро: «Всё будет хорошо. Ты справишься.»

И ведь справилась. Да.

У меня всё хорошо.

Каждое утро я начинала с этой фразы. Каждый вечер заканчивала. Сначала это была молитва, потом — привычка, а теперь просто натёртая до блеска монета, которую я кручу в пальцах, чтобы не думать о том, что прячу глубоко внутри. Там, где даже я сама боюсь копаться.

Телефон зазвонил, вырывая меня из мыслей. Я посмотрела на экран, и внутри разлилось привычное тепло.

— Привет, кнопка! — голос Славы раздался в трубке, тёплый и живой. Я почти видела его улыбку. — Ты до сколько сегодня?

— Привет, Слав! — я улыбнулась, и напряжение дня начинало отпускать. — Да вот только закончила. Последняя пациентка была.

— Супер! — он явно сиял. — Я тоже закругляюсь. Встретимся дома или по пути?

— Дома, — ответила, закрывая кабинет. — Буду через час.

Со Славой мы вместе уже два года. Он мой жених, хотя, если честно, я до сих пор иногда ловлю себя на мысли, как странно это звучит. В мае он сделал мне предложение — прямо на крыше нашего дома, при закате, когда город тонул в золотом свете. Было романтично! Я согласилась. Потому что он единственный мужчина в моей жизни, который вызывает у меня полное доверие. Я знаю его с детства — с тех дворовых игр, с песочницы, с первой драки за качели. И я знаю точно: он никогда не сделает мне больно. А это самое главное.

Столько боли я больше не хочу. Не переживу ещё раз.

Люблю ли я его? Не знаю. Иногда я думаю об этом по ночам, когда он уже спит, а я лежу рядом и смотрю на его спокойное, умиротворённое лицо. Наверное, по-своему люблю. Но сравнимы ли эти чувства с теми, которые я испытывала когда-то? Тем всепоглощающим пламенем, которое могло уничтожить дотла? Тем безумием, когда я готова была ждать вечность и просить только об одном — чтобы он просто был рядом?

Нет. Точно нет.

Сейчас всё иначе. Это не пожар. Это тёплый плед, в который можно укутаться и чувствовать себя в безопасности. Уют. Спокойствие.

А хорошо — это самое главное. Так ведь? Так должно быть?

Я уже не знаю, кому это доказываю — себе или ему.

Я захожу в квартиру, скидывая туфли у порога. Славка уже тут — я слышу, как на кухне звякает посуда, как он напевает что-то себе под нос.

— Я заказал заранее в «Крестике» ужин и забрал по дороге, — говорит он, выглядывая из кухни. У него на фартуке, который я ему подарила на Новый год, смешная надпись: «Самый лучший повар». — Мой руки и садись. У меня для тебя сюрприз.

Он подходит, чмокает меня в губы — легко, привычно.

— Какой сюрприз? — улыбаюсь я, с интересом.

— Сначала руки, потом новости! — он подмигивает и подталкивает меня в сторону ванной.

В ванной я останавливаюсь перед зеркалом. На меня смотрит красивая, уверенная в себе девушка — я уже и не знаю, как назвать себя женщиной. Мне всего двадцать шесть, а чувствую себя на все сорок. Усталость осела под глазами. Так уставала последние дни.

«У меня всё хорошо», — беззвучно говорю я своему отражению. Губы сами собой складываются в улыбку. Я отрепетировала её до совершенства за эти годы.

Выхожу на кухню и замираю.

Стол выглядит так, будто мы что-то празднуем — свечи мерцают тёплым светом, цветы в вазе пахнут весной, изысканные блюда разложены с аккуратностью, будто он готовился к этому вечеру не меньше недели.

— Ничего себе, — я сажусь за стол, отпиваю глоток вина, и терпкий вкус разливается по телу. — Слав, что за повод?

Он улыбается, и я вижу, как в его глазах заплескались искорки — такие же, как в детстве, когда он приносил мне найденную на дороге монетку и говорил, что это «клад».

— Я держал это в секрете до последнего, — говорит он, и чуть дрожит от волнения. — Сегодня всё решилось. Мне предложили новую работу.

— Да? — я ставлю бокал, внутри поднимается лёгкое любопытство. — И что за работа? Почему секретничал?

Он смотрит на меня, и его улыбка становится ещё шире, почти торжествующей.

— В ФСБ, представляешь? — он выдыхает, будто сам ещё не верит в это. — Не думал, что меня возьмут. Там такой строгий отбор, даже полиграф проходил. Прикинь, я думал, его уже никто не использует!

Я молчу.

ФСБ.

Это слово отдаётся во мне глухим эхом, как удар в висок из прошлого. Ладно...

— Что за должность? — спрашиваю я, и голос звучит спокойно и ровно. Слишком ровно. Я слышу его со стороны, как будто это говорит кто-то другой.

— Аналитиком данных! — он явно гордится. — Учитывая, что я был обычным сисадмином, это невероятное везение. Представляешь, я буду работать с информацией, с базами...

— Очень рада за тебя, — говорю, и слова вылетают сами собой. — Это действительно здорово.

— Ну, — пожимает он плечами, — не то чтобы я хотел именно туда. Просто надоела моя старая работа. Решил немного рискнуть. А там, смотрю, и условия хорошие, и перспективы...

Я смотрю на него и вижу его счастье. Чистое, настоящее, незамутнённое. Он молодец. Он этого заслужил. Правда.

И я не могу разрушить его счастье. Не имею права.

— Поздравляю тебя, Слав. Ты этого заслужил, — играю роль примерной невесты. — Я очень тобой горжусь.

— Спасибо, — он протягивает руку через стол и сжимает мои пальцы. Его ладонь тёплая, надёжная, такая родная. — Я так рад, что ты рядом, кнопка. Ты у меня всегда была самым близким человеком.

Я улыбаюсь ему. Где-то глубоко внутри — там, где лежит прошлое, покрытое пылью и забвением, — что-то начинает шевелиться.

Отгоняю это чувство. Закапываю его обратно. У меня всё хорошо. И я не позволю прошлому разрушить настоящее.

— За нас, — поднимаю бокал. — За твоё будущее.

Мы чокаемся. Вино так сильно обжигает горло. Или это всего лишь самообман? Я смотрю на Славу, на его светящееся лицо, и заставляю себя быть здесь. В настоящем. В моём настоящем, которое я так долго строила!

Глава 2

— Юлия Михайловна, мне не подходят эти таблетки! Я не буду их пить! — Елена Александровна, женщина лет пятидесяти с ярко-рыжими волосами и таким же огненным характером, сложила руки на груди и смотрела на меня с вызовом, будто я предлагала ей выпить яд, а не стандартный противогрибковый препарат. Её серьги-кольца качнулись, засверкав под лампой, а губы сжались в тонкую линию.

Я вздохнула, откинулась на спинку стула и посмотрела на неё с профессиональным спокойствием. За год работы я научилась этому — сохранять лицо, даже когда пациент ведёт себя как капризный ребёнок.

— Почему, Елена Александровна? Вас что-то беспокоит? Какие-то побочные эффекты?

— Побочные эффекты?! — она всплеснула руками так, что оборки блузки на ней взметнулись. — Юлия Михайловна, я вчера выпила их, и у меня началась такая диарея, что я думала, меня вывернет наизнанку вместе с желудком! Я всю ночь провела в туалете! Муж уже хотел вызывать скорую! «Жена умирает», — кричит, а я сижу и думаю: «Умру, но от стыда!»

Я с трудом сдержала улыбку. Она говорила с такой экспрессией, что я почти видела эту картину.

— Елена Александровна, — я сделала паузу, дожидаясь, пока она перестанет жестикулировать, — вы принимали таблетки после еды?

Она замялась. Её глаза забегали, и я поняла — попала в точку.

— Ну... я выпила их утром, когда только проснулась. Мне же нужно было начать лечение сразу! Нельзя же откладывать!

— И какую дозировку вы приняли? — я уже знала ответ, но всё равно спросила.

— Ну... я прочитала в инструкции, что можно одну или две таблетки, и подумала, что раз у меня запущенный случай, то лучше выпить три. Чтобы наверняка!

Я закрыла глаза на секунду. Боже, сколько можно. Каждый день одно и то же. Пациенты, которые свято уверены, что больше — значит лучше. Что если одна таблетка помогает, то три вылечат в три раза быстрее. Что они умнее врачей, потому что «читали в интернете» или «соседка сказала».

— Елена Александровна, — я открыла глаза и посмотрела на неё с той смесью принятия и бесконечного терпения, которая вырабатывается только у врачей. — Вам нужно принимать ровно одну таблетку. Одну. После завтрака. Запивать стаканом воды. И никаких импровизаций.

— Но я думала...

— Знаю, — перебила я мягко, но твёрдо. — Так не работает. Лекарство — это не конфета, его нельзя есть горстями. Это рецепт.

Она помолчала, обдумывая мои слова. Её лицо постепенно разглаживалось, уступая место чему-то похожему на смущение.

— И что, одной таблетки достаточно? — спросила она, всё ещё недоверчиво. — А если не поможет?

— Достаточно, — кивнула я. — Если вы будете соблюдать схему лечения, через две недели от вашей проблемы не останется и следа. Я вас не подведу, Елена Александровна. Вы мне доверяете?

— Хорошо, — сказала она. — Попробую. Но если что...

— Если что — звоните мне, — я протянула ей визитку. — В любое время.

Она взяла её, ещё раз вздохнула и направилась к двери. Уже в дверях она обернулась, и я увидела, как в её глазах мелькнула хитринка.

— Юлия Михайловна, а можно ещё один вопрос?

— Да, конечно, — я приготовилась записывать.

— У меня муж тоже... ну. Я ему тоже три дала. Ему тоже нужно одну?

Я снова вздохнула. Боже, храни меня от пациентов, которые лечат друг друга по принципу «от балды».

— Да, Елена Александровна, одну.

— Спасибо, — сказала она и вышла, на этот раз с улыбкой.

Я откинулась на спинку стула и посмотрела на стопку карт, которая ждала меня на столе. Три часа приёма, а я уже чувствую, как усталость оседает на плечи тяжёлым грузом. Но внутри было тихое, почти незаметное удовлетворение.

Я люблю свою работу.

Я люблю помогать людям. Люблю видеть, как страх в их глазах сменяется надеждой. Как они выходят из кабинета с лёгкой улыбкой и верой в то, что всё будет хорошо.

В этом и есть магия моей профессии. Не в дипломах на стене. Не в статьях, которые пылятся на полке. А в этом моменте — когда пациент говорит «спасибо» и уходит, а я остаюсь одна и позволяю себе на секунду улыбнуться. Потому что я сделала то, для чего меня учили. Я помогла. Я вылечила. Я подарила кому-то шанс на спокойную жизнь без боли и стыда.

Закрыла последнюю карту и выключила компьютер. День тянулся бесконечно, но сейчас, когда на часах было уже шесть вечера, усталость отпускала, уступая место лёгкому предвкушению. Дома ждал Слава. Мы планировали заказать пиццу, открыть вино и посмотреть какой-нибудь дурацкий фильм — просто лежать и ни о чём не думать.

Я взяла сумку, накинула пальто и вышла из кабинета. Проходя мимо регистратуры, услышала, как медсестра Надя прощается с последним пациентом, и улыбнулась про себя. Помахала ей. «До завтра, Надежда Петровна!»

Уже выходя на улицу, я почувствовала, как телефон завибрировал. Достала его — на экране высветилось сообщение от Славы:

«Кнопка, привет! Через неделю у нас какое-то официальное мероприятие в управлении. Представляешь? Сказали, что нужно быть при полном параде — галстуки, бабочки, платья. Буду выглядеть как пингвин, наверное, но начальство требует. Ты не против? Я так рад, что меня вообще позвали! Я же всего два месяца работаю. Мне нужна будет моя прекрасная невеста. Сказали, что нужно с парами... Ты сможешь?»

Я остановилась посреди улицы, читая его сообщение. Ветер шевелил волосы, и в груди поднималось странное волнение. Официальное мероприятие. В ФСБ. Там, где возможно работает он.

Я замерла, глядя на экран. В голове промелькнула мысль, которую я тут же отогнала:

«А что, если я увижу там его?»

Я заставила себя выдохнуть. Глупость. Вероятность того, что я кого-то встречу, минимальна. Москва — огромный город. Миллионы людей. Тысячи улиц. Сотни зданий. Шанс столкнуться с прошлым — один на миллион. Не факт, что оперативников приглашают на такие мероприятия или он вообще там еще работает, так ведь?

И всё равно зашевелился червячок сомнения.

Набрала ответ:

«Конечно, не против. Я буду самой красивой девчонкой на этом мероприятии. Обещаю!»

Слава ответил почти сразу:

«Спасибо! Ты у меня самая лучшая. Еду домой уже. Целую!»

Я убрала телефон в карман и пошла дальше. Ветер стих, и город вокруг казался таким спокойным. Я смотрела на огни, которые зажигались в окнах домов, на прохожих, которые спешили по своим делам, и чувствовала, как внутри медленно утихает волнение.

Всё будет хорошо.

Будет ведь?

Глава 3

Субботнее утро встретило меня серым, тягучим небом, которое нависало над Москвой, как тяжелое одеяло. Декабрь в этом году выдался на редкость промозглым — снега не было, зато дожди лили почти каждый день, и солнце появлялось так редко, что я начинала забывать, как оно выглядит. За окном моросил мелкий, противный дождь, который, казалось, проникал в каждую щель, делая воздух влажным и еще более холодным. Брр... ненавижу такую погоду. Пусть уже снег выпадет, середина декабря как никак.

Я стояла у окна своей спальни, сжимая в руках чашку с кофе. Город за окном казался размытым. Серые дома, серые машины, серые люди, спешащие по своим делам. Всё серое.

Настроение тоже было серым.

Я вздохнула, поставила чашку на подоконник и посмотрела на свой шкаф. Открытая дверца зияла пустотой, и внутри меня закипала паника, которую я пыталась заглушить уже целый час. Платья, которые я перебирала, казались мне либо слишком скучными, либо слишком вызывающими. Чёрное — слишком траурное. Синее — слишком блёклое. Красное — слишком яркое, как будто я пытаюсь привлечь внимание, а не просто выглядеть достойно.

— Ленуся, мне нужна твоя помощь! — простонала я в трубку, с паникой. — Совсем скоро это мероприятие у Славы, а в шкафу у меня не оказалось ни одного приличного платья! Ни одного, Лен! Я перерыла всё! Даже то чёрное, которое вроде бы подходит, выглядит отвратно.

Лена — моя подруга. Единственная, кого я подпустила близко за последние шесть лет. После всей той истории с Аней я строго решила: никаких подружек. К чёрту их. За член мужика предадут на раз-два. Нет уж, спасибо. Хлебнула говнеца с лихвой — на всю жизнь хватит.

Но Лена оказалась другой. Она так незаметно и постепенно проникла в мою жизнь, что только спустя несколько месяцев я осознала: мы дружим. По-настоящему. Просто две взрослые женщины, которые нашли общие интересы и друг друга.

Она замужем за Эдиком — хорошим другом Славы. Они учились вместе в одной группе, а потом как-то само собой сложилось, что мы начали общаться. Сначала редкие встречи в баре, потом совместные выходные, потом уже наши семьи стали неразлучны. Две пары и один ребёнок — их сын Кириушка, смыслённый мальчишка пяти лет, который обожал играть в машинки и задавать вопросы, на которые ни у кого не было ответов. Слава был его крестным. Мы частенько собирались вместе: то у нас, то у них. Хорошие ребята. Весёлые. И самое главное — надёжные.

Кстати, именно Эдик порекомендовал Славу на должность, когда узнал, что в управлении открылась вакансия аналитика. Эдик, работал в этом же отделе, всегда был рядом — подсказывал, поддерживал, верил в него. У Эдика вообще с этим особая история. Его отец — военный, полковник в отставке. Суровый, принципиальный, с железным рукопожатием и взглядом, от которого хотелось встать по стойке смирно и начать читать устав. Он всю жизнь мечтал, что сын пойдёт по его стопам. Что будет носить погоны, командовать и защищать. А Эдик с детства сидел за компьютером и собирал их по винтикам, разбирался в кодах, в алгоритмах, в том, как работает техника. Отец не понимал. Он злился, считал, что сын «играется в игрушки», что это несерьёзно, что мужчина должен заниматься мужскими делами. Поэтому по связям устроил сына «куда надо». Эдик не спорил. Компромисс с отцом был найден. Он остаётся самим собой, но при этом работает в системе, которую его отец уважает. Не совсем военный, но уже не «айтишник-неудачник», как называл его отец раньше.

Лена была моим якорем. Она всегда знала, что сказать, когда меня заносило или становилось грустно. Она никогда не лезла в душу, но всегда была рядом, когда я была готова открыться. Она не задавала лишних вопросов, не пыталась вытянуть из меня то, что я прятала. И я это ценила.

Сейчас я знала: только она сможет меня спасти. У неё был офигенный вкус! И не удивительно, Лена работала имиджмейкером. Только она умела подобрать образ так, что все оборачивались и осыпали комплиментами вслед.

— Леночка, умоляю! — я почти захлёбывалась от мольбы. — Поехали со мной! Я не могу одна! Ты же знаешь, я в шопинге полный ноль! Я всегда выбираю что-то не то: либо слишком коротко, либо слишком вызывающе, либо вообще выглядит как мешок из-под картошки. Мне нужен твой взгляд! Твой вкус! Твоя профессиональная рука!

Она вздохнула. Я слышала, как она что-то делает на кухне — звякает посуда, шуршит пакет. Представила её, как она сейчас качала своей блондинистой головой из стороны в сторону, закатывая глаза с той театральной тяжестью, которую я так любила.

— Юль, мне Кирюшу нужно отвести на карате, а потом забрать, — сказала она. — У меня максимум будет два часика. Два, Юль!

— Обещаю, мы успеем! — выпалила я, с загорающейся надеждой. — Пулей туда и обратно! Быстренько залетим, выберем платье, и я тебя отпускаю! Я даже не буду примерять каждое, честно! Только то, что ты скажешь!

— Ну да, в Москве только пулей, — усмехнулась она. — Не смейся. Ты же знаешь, какие пробки.

— Лен! Я тебя очень прошу! Ты же знаешь, я без тебя пропаду! Я выйду оттуда с каким-нибудь ужасом, Слава будет в шоке, а его коллеги решат, что я клуша какая-то! Ты что хочешь, чтобы у тебя была подружка деревенщина? А я же всем скажу, что мы дружим! Представь, как это ударит по твоей профессиональной репутации, — уже смеялась я.

— Ладно, — она вздохнула снова театрально, что я почти видела через трубку её закатившиеся глаза. — Попрошу Эдю забрать Кирюшу. Но ты мне должна! Серьёзно должна! Я не шучу!

— Ура! Ты лучшая! Спасибо, спасибо! — я чуть не подпрыгнула от радости, едва не опрокинув чашку с остывшим кофе.

— Эй! — перебила она. — Я ещё не согласовала с мужем, девушка. Рано радуешься.

— Эдик — зайка, он согласится, — уверенно сказала я.

— Эдик-то согласится, — хмыкнула она с хитрой ноткой. — Но какой ценой!

— И какой же?

— Ну так я тебе и рассказала, подруга, — засмеялась Лена. — Не маленькая!

Я улыбнулась, хотя она не могла этого видеть. Мы обе знали, что Эдик согласится на что угодно, потому что он любил Лену так, как, наверное, любят только в фильмах. И она отвечала ему тем же.

Они такие разные! Лена — модная столичная красотка, которая знает толк в трендах, в уходе за собой и в том, как одним взглядом заставить мужчину потерять дар речи. Она может войти в любую комнату и мгновенно стать центром внимания, даже не прикладывая к этому усилий. Её маникюр всегда идеален, волосы — как с обложки глянца, а улыбка — такая, от которой хочется улыбнуться в ответ. Она знает, какой оттенок помады подойдёт к настроению, какие туфли сделают ноги бесконечными, а какие серьги добавят шарма даже самому простому образу.

А Эдик — полная её противоположность. Когда они встретились, он был типичным айти мальчиком в очках: вечно взъерошенные волосы, растянутые футболки с надписями на английском, джинсы, которые он носил ещё со школы. Мог часами рассказывать про коды, алгоритмы и архитектуру баз данных, и при этом совершенно терялся, когда нужно было заговорить с девушкой.

Лена взяла его в оборот, когда они сошлись. Она покупала ему вещи, которые ему шли. Убеждала, что очки пора менять на что-то более стильное. Учила, что футболки с принтами

— это для дома, а не для выхода в свет. И Эдик менялся. Сначала незаметно, потом всё более отчётливо. Он перестал быть тем щуплым мальчишкой, каким она его встретила.

Поднабрал вес. Не в смысле «расплылся», нет. Он превратился в коренастого мужчину — с широкими плечами, с крепкой шеей, с уверенностью, которой раньше не было. Он больше не сутулился, не прятал глаза за слишком большой оправой. Он научился смотреть прямо, говорить твёрдо и держаться так, будто он — хозяин своей жизни. И в этом, конечно, была заслуга Лены. Но и его тоже.

Теперь Эдик выглядит как тот, кто знает, чего хочет. И одновременно — как тот, кто всё ещё теряется, глядя на жену. Потому что Лена для него — это что-то за гранью понимания. Она — его главный алгоритм, который он так и не смог разгадать.

Насколько я знаю, они познакомились шесть лет назад в клубе. Она только рассталась с парнем — очередным «отморозком», как она их называла. Красивым, самоуверенным и эгоистичным. Расставание было громким, с разбитой посудой и скандалом. И Лене очень хотелось насолить своему бывшему — показать, что она ни капли не страдает, что живёт полной жизнью, что она свободна. Фак ю, мудак!

Эдик в тот вечер был в том же клубе, с друзьями — со Славой и ещё парой ребят. Проиграл в споре, и на кону стояло нечто опасное для него: подойти к самой красивой девушке у бара и познакомиться. Этой девушкой была Лена.

— Я тогда подумал: «Боже, она меня пошлёт, и все увидят, какой я лох», — рассказывал он потом со смехом. — Но я не мог отказаться, это было бы еще позорнее.

Он подошёл. Заикаясь. Красный как рак. Представился, сказал что-то про погоду и про то, что «у вас очень красивое платье». Лена потом признавалась: в тот момент она просто искала жертву, чтобы отыграться на ком-то за свою обиду. И Эдик оказался идеальным кандидатом. Такой неуклюжий, забавный, незащитный. Она решила, что будет весело — немного покрутить им и бросить.

— Думала, развлекусь пару часиков и уйду, — смеялась она. — А он оказался таким милым, что я просто не смогла его бросить.

Спустя три часа они уже были в его комнате в общежитии, куда пробрались втихушку через окно, потому что вахтёрша, тётя Зина, была на удивление зоркой и не пропускала посторонних после двенадцати.

— Представляешь, я лезла через окно, как вор, в какую-то общагу, — хохотала Лена, рассказывая эту историю. — Если бы моя мама узнала, она бы меня прибила.

А спустя девять месяцев родился Кириша. Это было, мягко говоря, неожиданно. Все были в полнейшем шоке. Но когда Лена узнала, она уже не могла представить свою жизнь без этого парня в очках. Он окружил ее такой любовью и заботой.

— Я смотрела на него, — рассказывала она. — Он сидел рядом со мной, держал меня за руку, смотрел на УЗИ и плакал. По-настоящему плакал, Юль. Не сдерживаясь. И в тот момент я поняла: всё. Он — мой. И я — его.

Так она влюбилась сама.

— Ладно, — сказала я, уже представляя, как мы носимся по торговому центру. — В три часа в «Меге»?

— В три. На парковке у Меги.

— Класс!

Я сбросила вызов и посмотрела на часы. До трёх оставалось ещё три часа. Сегодня суббота, завтра выходной, а в понедельник мероприятие. Кто вообще делает мероприятия в понедельник? Я не понимаю! Начало недели же! Никто не любит понедельники!

Честно говоря, я немного волновалась. Никогда не была на таких мероприятиях. Вдруг я скажу что-то не то? Или сделаю что-то не так? Вдруг я буду выглядеть глупо среди этих важных людей в форме?

Я отогнала эти мысли. Всё будет хорошо.

Дорога до «Меги» была привычной, но в этот раз она казалась длиннее обычного. Я сидела в машине, смотрела на бесконечный поток машин. Пробки в Москве — это отдельный вид искусства. Особенно в субботу, когда все, кому не лень, выезжают на шопинг. Смотрела на снегопад, который разбивался о лобовое стекло.

Ровно в три часа я вышла из машины на парковке. Кроссовки мягко ступали по асфальту, и я огляделась по сторонам, ища глазами её машину. Лены не видать. Я достала телефон, набрала её номер. Один гудок — и в трубке раздалось её пыхтение.

— Ну слушай, — выдохнула она, и я уже улыбалась, представляя, как она делает вид, что злится, — даже на минутку нельзя опоздать?

Её машина появилась на парковке — белый кроссовер, который она ласково называла «Белоснежка». Лена вышла из неё, поправляя воротник пальто, и посмотрела на меня с приторной строгостью.

— Привет, — засмеялась я.

— Ты мне должна! — повторила она, подходя ко мне. — Приветик.

Я заулыбалась. Такая родная, такая тёплая. Выглядит замечательно. Её светлые волосы были собраны в небрежный хвост, а на лице — ни капли макияжа, но она всё равно сияла.

— Ладно-ладно, — я обняла её, чувствуя, как её руки сжимают мои плечи. — Я тебе всегда должна.

— Вот так, — она отстранилась и окинула меня оценивающим взглядом. — Пошли? Времени у нас немного.

— Пошли, — я взяла её под руку.

Мы зашли в торговый центр, и нас сразу накрыла волна тепла и света. Внутри было многолюдно и шумно — люди сновали туда-сюда, музыка лилась из динамиков, а витрины сверкали огнями, заманивая прохожих.

— Ну что, — Лена остановилась и повернулась ко мне. — Какой у тебя бюджет?

— Бюджет? — я задумалась на секунду. — Ну... Слава сказал, что я должна выглядеть на все сто. Плюс его подарок на мой день рождения полмесяца назад я так и не потратила.

— Серьёзно? — она приподняла бровь. — Тогда у нас есть карт-бланш. Пойдём, я знаю один отдел. Там есть платья, от которых слюнки текут.

— Веди, — улыбнулась я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.